

Часть первая

ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

Глава 1

РУССКИЙ КУЛЬТ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Всю кровь с парижских площадей,
С камней и рук легенда стерла...

И. Савин "Лагонка"

Среди произошедших в других странах исторических событий, пожалуй, ни одно не оказало такого влияния на общественное сознание России, как Французская революция. Уже в XIX в. она стала не только явлением русской культуры¹, но и частью исторической памяти российской интеллигенции.

Говоря об "исторической памяти", я вкладываю в это понятие тот же смысл, что и Пьер Нора, противопоставляющий "память" "истории" как отрасли научного знания:

"Память, — пишет П. Нора, — это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления. История — это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память — это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же — это репрезентация прошлого. Память в силу своей чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны. Она питается туманными, многоплановыми, глобальными и текучими, частичными или символическими воспоминаниями, она чувствительна ко всем трансферам, отобра-

¹ Подробнее см.: Гордон А.В. Великая французская революция как явление русской культуры (К постановке вопроса) // Исторические этюды о Французской революции: Памяти В.М. Далина (К 95-летию со дня рождения). М., 1998.

жениям, запретам или проекциям. История как интеллектуальная и светская операция вызывает к анализу и критическому дискурсу. Память помещает воспоминания в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим. Память порождается той социальной группой, которую она спланирует, это возвращает нас к тому, что, по словам Хальбвакса, существует столько же памятей, сколько и социальных групп, к идее о том, что память по своей природе множественна и неделима, коллективна и индивидуальна. Напротив, история принадлежит всем и никому, что делает универсальность ее призванием².

Тот образ Французской революции, который сложился в русской культуре XIX в., действительно, принадлежал скорее к сфере сакрального, нежели к области научного знания. Более того, сам процесс формирования этого образа происходил через элиминирование, через сознательное забвение тех исторических реалий, которые противоречили идеализированному представлению о Революции.

Впрочем, произошло это не сразу. Никто не был столь далек от превращения Революции в объект поклонения, как ее непосредственные современники и, тем более, очевидцы, чья судьба вместила ее всю целиком — с первого дня до последнего. Есть немало примеров того, как люди, воспитанные на ценностях культуры Просвещения и воспринявшие сначала Французскую революцию как реализацию гуманистических идеалов, впоследствии пережили подлинный шок от того, насколько реальность опровергла эти ожидания. Так, Н.М. Карамзин, посетивший Париж в 1790 г. и без симпатии наблюдавший за развитием событий начального, еще относительно мирного периода Революции, уже через пять лет написал те известные строки, которые А.И. Герцен назовет "огненными и полными слез": "Век просвещения! Я не узнаю тебя — в крови и пламени не узнаю тебя — среди убийств и разрушений не узнаю тебя!"³ Не менее трагично на исходе XVIII в. и мироощущение А.Н. Радищева:

Счастье, и добродетель, и вольность пожрал омут ярый.
Зри, всплывают еще страшны обломки в струе.
Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро,
Будешь проклято вовек, ввек удивлением всех⁴.

Такова была реакция на Французскую революцию тех, кто непосредственно пережил ее, для кого она стала личной драмой. Одна-

² Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 20.

³ Карамзин Н.М. Мелодор к Филалету // Карамзин Н.М. Избранные письма и статьи. М., 1982. С. 148 — 149.

⁴ Радищев Н.М. Оснадатое столетие // Радищев Н.М. Избранное. М., 1959 С. 260.

ко уже их младшие современники, представители следующего поколения, для кого Революция была недавним, но все же *прошлым*, относились к ней совершенно иначе. Восприятие ее молодыми людьми, оппозиционно настроенными к российской действительности, хорошо выражают известные слова Александра I: "Во Французской революции надо отличать принципы от преступлений"⁵. Подобный взгляд на вещи предполагал избирательный подход к опыту Революции, деление ее целостной истории на приемлемое — "принципы" — и неприемлемое — "преступления". Именно такая позиция была, в частности, характерна для декабристов, которые "ненавидели преступления и любили правила французской революции"⁶. При подобном подходе рассказ о ее реальных событиях мог даже вызывать раздражение, поскольку воспринимался как имплицитное осуждение, опровержение идеала. Читая "Письма русского путешественника" Н.М. Карамзина, Никита Муравьев в тех местах, где речь шла о впечатлениях автора от революционного Парижа, испестрил поля книги пометами: "Так глупо, что нет и возражений", "неправда", "дурак". Характерна реплика по поводу фразы Карамзина, которой тот завершил пассаж о Кондорсе: "Народ есть острое железо, которым играть опасно, а революция — отверстый гроб для добродетели и — самого злодейства". Муравьев пишет: "Все сие справедливо вероятно. Мораль скверная"⁷. То есть по существу возразить нечего, но верить в это очень не хочется.

Впрочем, дея единый образ Революции на две равноправные и независимые друг от друга части — "хороший" идеал и "плохая" реальность, декабристы, однако, ни в коей мере не абстрагировались от последней и сознательно ставили себе целью не допустить повторения в российских условиях "ужасных происшествий, бывших во Франции во время революции"⁸. Они были далеки от того, чтобы отождествлять себя с деятелями Французской революции, которые вольно или невольно формировали эту "неприемлемую" реальность и несли за нее ответственность.

⁵ Цит. по: Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Великая французская революция и революционная традиция в России // Великая французская революция и Россия. М., 1989. С. 227.

⁶ Слова М.Ф. Орлова. — См.: Довнар-Запольский М.В. Мемуары декабристов. Киев, 1906. С. 5. А вот, например, мнение П.Г. Каховского: "Революция во Франции, столь благотельно начатая, к несчастью, наконец, превратилась из законной в преступную". — Цит. по.: Волк С.С. Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958. С. 264. Подробнее см. также: Семенова А.В. Декабристы и Французская революция конца XVIII в. // НиНИ. 1989. № 3; Эжшут С.А. Великая французская революция и нравственные искания декабристов // Научные доклады высшей школы. Филос. науки. 1990. № 1; Парсамов В.С. Декабристы и французский либерализм. М., 2001.

⁷ См.: Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1998. С. 375. Примеч. 21.

⁸ Восстание декабристов. М., Л., 1927. Т. 4. С. 90.

В восприятии следующего поколения оппозиционно настроенной интеллигенции – разночинцев 40-х годов XIX в. – идеальный образ Французской революции приобрел уже доминирующее значение, постепенно оттеснив на второй план свой реальный прототип. Борясь против окружавшей их социальной действительности исключительно словом, участники оппозиционных кружков, в отличие от декабристов, не имели оснований в ближайшем будущем ожидать – с надеждой или с опаской – повторения революционных событий на русской почве. Соответственно, во Французской революции они видели лишь абстрактный принцип, символ отрицания, ниспровержения. "Отрицание – мой бог, – писал В.Г. Белинский другу в 1841 г. – В истории мои герои – разрушители старого – Лютер, Вольтер, энциклопедисты, террористы, Байрон..."⁹ Такое же восхищение "террористами" – Робеспьером и Сен-Жюстом – было присуще и большинству окружающих Белинского людей (И.И. Панаеву, В.П. Боткину, А.И. Герцену и др.). Оппоненты же их – те, кто не разделял подобной апологии якобинцев (например Т.Н. Грановский), восторгалась другими революционными республиканцами – жирондистами.

Упоминание о "боге" в процитированной выше фразе Белинского, на мой взгляд, немного больше, чем просто метафора. Поклонение Французской революции, воплощавшей в себе принцип отрицания старого, действительно, приобрело в этой среде характер своеобразного культа, о чем А.И. Герцен позднее писал: "Культе французской революции – это первая религия молодого русского человека; кто из нас в тайне не хранил портреты Робеспьера или Дантона"¹⁰.

Во многом этот культ Революции был обусловлен тем, что сведения о ней русская интеллигенция черпала преимущественно из работ французских либеральных и социалистических историков эпохи Реставрации и Июльской монархии. Именно они в силу определенной идеологической и политической конъюнктуры, существовавшей тогда во Франции, заложили основу той идеализированной интерпретации революционных событий XVIII в., которая в XX столетии, с легкой руки английского историка А. Коббена, получит название "мифа о Французской революции"¹¹. Однако вопросом о научной обоснованности предложенной ими интерпретации русская интеллигенция не задавалась. Во-первых, своих историков Французской революции, способных вынести на сей счет профессиональное суждение, в России еще не было, а во-вторых, гораздо более важное значение имела идеологическая позиция ав-

⁹ Белинский В.Г. Собрание сочинений. М., 1982. Т. 9. С. 483.

¹⁰ Герцен А.И. Au citoyen rédacteur de l'"Homme" // Герцен А.И. Собр. соч. М., 1963. Т. 30. Кн. 2. С. 502 (оригинал по-французски).

¹¹ См.: Cobban A. The Myth of the French Revolution (1954) // Cobban A. Aspects of the French Revolution. L., 1968.

тора той или иной исторической работы, его принадлежность к "передовому" лагерю. Характерен в данной связи следующий "аргумент", выдвинутый Боткиным против Грановского: "Мнение его о Робеспьере и жирондистах совершенно противоположно мнениям всех лучших умов во Франции и Леру в особенности"¹².

Участники радикальных кружков 40-х годов не только восхищались французскими революционерами, но и прямо отождествляли себя с ними, разделившись в споре о Революции на "якобинцев" и "жирондистов". В том мире идей, мире слов, куда они уходили от неприемлемой для себя реальности и где, собственно, протекало их подлинное существование, идеальная Французская революция вновь и вновь переживалась ими как вечное настоящее.

Разумеется, из этого отнюдь не следовало, что в реальной жизни эти русские интеллигенты готовы были так же лить чужую кровь, как восхищавшие их герои. Те из участников кружков 40-х, кто дожил до рубежа 50–60-х годов, когда возникла реальная угроза того, что революция из мира абстракций вот-вот спустится на землю, осудили призывы к насилию, "к топору", выдвигавшиеся наиболее радикальными представителями нового поколения оппозиционной интеллигенции¹³.

В исторической литературе не раз рассматривался вопрос об оценках опыта Французской революции различными направлениями революционного народничества 60–70-х годов XIX в.¹⁴ Реже затрагивалась тема восприятия ее широкими слоями интеллигенции, напрямую не связанными с революционным подпольем, но в той или иной степени проникшимися оппозиционными настроениями, смутным желанием перемен. А между тем, именно среди этих людей, которым не приходилось соотносить собственную практическую деятельность с опытом революционеров XVIII в., мифологизированный образ Французской революции получил самое широкое распространение. Отношение к ней стало своего рода кодом, по которому члены этой социальной группы — "современно-образованные", "передовые" люди — узнавали друг друга. Вот как позднее вспоминал об этом профессор физики Московского университета Н.А. Любимов:

«Какое наслаждение доставлял добытый от какого-нибудь обладателя запрещенного плода, профессора или иного счастливица, на самое короткое время опасный том какой-нибудь истории революции, в котором, казалось, и заключается самая-то скрываемая

¹² Цит. по: *Белинский В.Г. Письма: В 3 т. СПб., 1914. Т. 2. С. 424.* П. Леру (1797–1871) — сенсимонист, чьи работы пользовались большой популярностью в русских радикальных кружках 40-х годов XIX в.

¹³ Подробнее см.: *Кондратьева Т. Большевики-якобинцы и призрак термидора. М., 1993. С. 30–34.*

¹⁴ См., например: Там же. С. 34–37; *Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Указ. соч. С. 245–249.*

истина. Помнишь, с какою жадностью одолевали мы в одну ночь том Мишле, Луи Блана в четыреста-пятьсот страниц... Нашим юношеским увлечениям немало содействовало то обстоятельство, что в литературных и профессорских кружках, имевших наиболее влияния на молодые умы, этот... "культ революции", если не в подробностях исполнения ее программы, то в ее началах, идеях, неотразимо-де имеющих осуществиться и отделить новый мир от старого, принадлежал к числу основных убеждений. Французские приверженцы революционного культа не из крайних называют эти начала бессмертными началами 89 года. Мы понимали их менее определенно, но шире, включая революцию как самую капитальную часть в общее понятие об историческом прогрессе. Разумели под началами этими все стремящееся и обещающее переделать неудовлетворительный существующий порядок на новый, непременно лучший — свободу во всех видах, борьбу со всякими притеснениями, изобличение злоупотреблений, уничтожение предрассудков, словом, целый винегрет прогресса, осуществить который мешает только невежество масс, коснеющих и удерживаемых в предрассудках, а также своекорыстие людей, власть имеющих... Для большинства причислявших себя тогда к современно-образованным людям идеи эти проходили в уме легким и неясным облаком. Культ революции являлся в форме отдаленного поклонения и лишен был практического значения и силы»¹⁵.

Свидетельство тем более ценное, что его автор в зрелые годы исповедовал крайне консервативные, антиреволюционные убеждения. Однако оно во многом совпадает с воспоминаниями другого современника, человека совершенно иной судьбы — В.К. Дебогория-Мокриевича, перешедшего из такой же вольнодумной студенческой среды в революционный лагерь: "По истории французской революции переводились и популяризировались преимущественно книги авторов-дифирамбистов. Мы зачитывались ими. Наперечет знали мы имена всех героев французской революции, начиная от главарей и оканчивая второстепенными и даже третьестепенными личностями. Одним нравился Дантон, другие восторгались Камилл (sic. — А.Ч.) Демуленом. Третьи бредили Сен-Жюстом. Такова была атмосфера, в которой мы вращались в семидесятих годах, разжигая друг в друге революционный пыл"¹⁶.

Революция, подобная Французской, но не той, что имела место в реальности — с сентябрьской резней, гражданской войной в Вандее, утоплениями в Нанте, Великим террором и т.д., а той

¹⁵ Кочнев В. [Любимов Н.А.] Против течения. Беседы о революции: Наброски и очерки в разговорах двух приятелей // Русский вестник. 1880. Август. С. 613—617.

¹⁶ Дебогорий-Мокриевич В.К. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. Кол. 89.

"Французской революции", идеализированный образ которой из поколения в поколение жил в исторической памяти русской интеллигенции, почиталась не только желанной, но и неизбежной. "Кто начал жить сознательной жизнью в шестидесятых-семидесятых годах минувшего века, — вспоминал Н.И. Кареев, — тот не мог не задумываться над тем, когда и как захватит Россию в свой неудержимый поток длительная западноевропейская революция, начавшая уже со времени декабристов оказывать влияние на перемены крути нашего общества"¹⁷.

О том особом, едва ли не сакральном значении, которое придавалось "передовыми" людьми Французской революции, свидетельствует и применение по отношению к ней эпитета "великая". Вопрос о том, кто, когда и в каком контексте впервые его использовал, заслуживает отдельного исследования, однако факт остается фактом: уже с конца XIX в. в отечественной исторической литературе встречается устойчивое словосочетание "великая французская революция", не применявшееся ни в одной другой стране.

Начавшееся в пореформенной России профессиональное изучение Французской революции не только не разрушило "культ", но еще больше его укрепило. Ничего удивительного в этом нет. Ведущие историки "русской школы", за малым исключением, принадлежали к той самой социальной группе "передовой", "современно мыслящей" интеллигенции, для которой культ Французской революции служил одним из средств самоидентификации и сплочения. Разделяя убеждения и заблуждения своей общественной среды, находясь под диктатом коллективной памяти, историки вольно или невольно, имплицитно или эксплицитно воспроизводили в своих работах тот самый миф, "научное" подтверждение которого требовала у них читающая публика.

Отсюда, впрочем, никоим образом не следует, что историки "русской школы" занимались искажением, фальсификацией фактов. Проводимые ими исследования конкретных проблем выполнялись на высочайшем профессиональном уровне и во многих случаях до сих пор не утратили научной ценности. Вместе с тем, в их обобщающих работах, рассчитанных на широкую публику, Французская революция изображалась односторонне, как своего рода праздничное действо, олицетворяющее торжество свободы над деспотизмом. При этом факты не искажались, о них просто недоговаривали. Темные стороны Революции затушевывались, вопрос о ее "цене" обходилась стороной.

Сравним в этом плане два сочинения выдающегося представителя "русской школы" историографии Французской революции Е.В. Тарле — научно-популярную работу "Падение абсолютизма в Западной Европе", вышедшую в 1906 г., во время первой русской

¹⁷ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 289.

революции, и его же фундаментальное диссертационное исследование "Рабочий класс во Франции в эпоху Революции", опубликованное в 1909—1911 гг. В первой автор, сравнивая Францию конца XVIII в. и Россию начала XX в., настойчиво подталкивает читателя к выводу о том, что российская монархия так же, как в свое время французская, должна неизбежно пасть в результате революции. Суть пространных рассуждений историка, в действительности, достаточно проста: если абсолютизм "губителен" и в сфере экономики¹⁸, и в сфере политики¹⁹, то уничтожающая его революция, естественно, является бесспорным благом. В то же время практически все социальные и экономические издержки Французской революции обходятся молчанием. Из всех ее "эксцессов" упоминается только о поднятой на пику голове коменданта Бастилии, но ни слова нет ни о многочисленных актах массового насилия толпы, ни о Великом терроре. Тема Вандеи, как якобы не имеющая ни малейшего отношения к российской действительности, "снимается" одной-единственной фразой: "Вандеи у нашего абсолютизма не было и быть не могло, ибо Вандею не сочинить, как черную сотню"²⁰.

В диссертационном же исследовании, идя строго от фактов, от документов, Тарле, напротив, достаточно откровенно говорит об издержках революционных преобразований, рисуя весьма мрачную картину повседневной жизни французов и, прежде всего, социальных "низов" в период Революции. При этом историк откровенно признает, что в тяжелейшем экономическом и социальном кризисе, переживавшемся в тот момент Францией, было виновато не только и не столько временное расстройство хозяйственной жизни, неизбежно сопряженное с войной и внутренними неурядицами, сколько политика революционного правительства — "максимум", реквизиции, террор²¹. Правда, в отличие от первой работы, обращенной к широкой публике, диссертационное исследование в силу особенностей жанра было достоянием лишь узкого круга специалистов.

Подобные различия в освещении Революции одним и тем же автором в сочинениях, предназначенных разной аудитории, отнюдь не случайны. Другие либерально настроенные историки того времени в работах, рассчитанных на сколько-нибудь широкий общественный резонанс, также предпочитали обходить стороной

¹⁸ "Экономическое бедствие", "препятствие для естественно развивающейся хозяйственной жизни страны" и т.д. — Тарле Е.В. Падение абсолютизма в Западной Европе. Исторические очерки // Тарле Е.В. Сочинения: В 12 т. М., 1958. Т. 4. С. 328, 338, 393 и далее.

¹⁹ Там же. С. 355. Подробнее о трактовке абсолютизма этим автором см. ниже главу 3.

²⁰ Там же. С. 439—440.

²¹ Тарле Е.В. Рабочий класс во Франции в эпоху Революции // Тарле Е.В. Сочинения. М., 1958. Т. 2. Гл. 5.

“неудобные” факты, способные бросить тень на идеализированный образ Революции. О вполне сознательном выборе такого ракурса освещения истории прямо пишет в своих мемуарах мэтр “русской школы” Н.И. Кареев:

«По старой традиции, воспитавшейся на более ранних историях революции (Минье и Тьера, Мишле и Луи Блана), бывших ее апологиями, прежде всего бросалась в глаза казовая, героическая, праздничная сторона революции, сделавшаяся поэтической легендой. Клятва в Jeu de paume, взятие Бастилии, ночь 4 августа, праздник федерации, “Декларация прав”, “Марсельеза” — какие это, в самом деле, красивые, эффектные вещи, способные настраивать на повышенный тон. Но все это именно поэтическая, праздничная, казовая сторона революции, у которой была своя проза, свои будни, своя изнанка, рядом с героизмом, своя патология»²².

И хотя об этой “прозе” и “патологии” либеральные историки знали, писали они в основном все же о “казовой” стороне. Это, впрочем, неудивительно: стремясь внести посильный вклад в общественно-политическое движение за обновление российской действительности, они в своих выступлениях, рассчитанных на широкую публику, трактовали Французскую революцию не столько как реальное событие *прошлого*, сколько как олицетворение либерального идеала, который, мечтали они, станет *будущим* России. Н.И. Кареев так вспоминал о своей политической деятельности в период первой русской революции: «На митингах и на предвыборных собраниях выступал очень часто в самых различных помещениях, обыкновенно с изложением основных принципов (конституционно-демократической. — А.Ч.) партии, сводившихся мною главным образом к идеям “Декларации прав человека и гражданина” времен Французской революции...»²³

И уж если даже профессиональные историки были не слишком беспристрастны в освещении французских событий конца XVIII в., то, тем более, этого трудно было ожидать от публицистов и популяризаторов, активно обращавшихся к данной теме во время и после революции 1905 — 1907 гг. Рассказ об истории Французской революции служил для них поводом выразить, прямо или косвенно, свое негативное отношение к российской действительности и призвать к ее изменению революционным путем. Соответственно эти авторы пытались придать Франции Старого порядка сходство с российскими реалиями XIX — начала XX в. Так, монархию Бурбонов они упорно отождествляли с русским самодержавием (о чем речь подробно пойдет ниже, в третьей главе) и порой даже приписывали французским крестьянам веру в “короля-батюшку”²⁴. Самих же

²² Кареев Н.И. Указ. соч. С. 289.

²³ Там же. С. 235.

²⁴ Николин Н. (Андреев Ник.) Великий переворот, или Великая французская революция. СПб., 1908. Ч. 2. С. 3.

крестьян изображали крепостными²⁵: хотя это не имело ничего общего с действительностью²⁶, но зато придавало предреволюционной Франции черты, легко узнаваемые русскими читателями.

С другой стороны, для подобного рода сочинений было характерно стремление сгладить острые углы революционной истории, "подретушировав" те ее моменты, что плохо соответствовали образу Революции как "праздника Свободы". Одним из таких моментов была печально известная сентябрьская резня в тюрьмах 1792 г., когда сотни заключенных, в большинстве своем не имевших никакого отношения к политике, были растерзаны толпой²⁷. Однако этот трагический эпизод изображался в популярных книжках о Революции следующим образом:

"Со 2-го сентября толпы народа стали ходить по тюрьмам и избивать заключенных. Убивали не всех, а по списку, заранее составленному и проверенному; не попавших в список отпускали на волю"²⁸.

"...День набора добровольцев превратился в день народного самосуда, в день кровавой расправы с монархистами, с внутренними врагами отечества. ...В одной из тюрем, в Аббатстве, была сделана попытка устроить нечто наподобие суда. Заключенные подвергались допросу. Тут же выносили обвинительный или оправдательный приговор... Парижане убивали своих врагов, чтобы защитить своих близких" (курсив мой. — А.Ч.)²⁹

Таким образом, у читателя создавалось впечатление, что имело место сугубо дозированное применение насилия, направленное против действительно виновных людей. Под пером же анонимного автора социал-демократической брошюры о Французской революции, которая после 1917 г. неоднократно переиздавалась большевиками, сентябрьская бойня и вовсе приобрела вид упорядоченного судебного процесса над преступниками:

²⁵ См.: Там же. СПб., 1907. Ч. 1. С. 10—12; Оленина М. Весна народов (Великая французская революция). Н. Новгород, 1906. С. 10, 75—76; Эфруси Е. Великая революция во Франции. М., 1908. С. 3—4. Характеристику крестьян предреволюционной Франции как крепостных или полукрепостных можно также встретить во многих публицистических и популярных работах, вышедших в России вскоре после Революции 1917 г. См., например: Стражев А.И. Как французы добыли и потеряли свою свободу (Из истории Великой революции). М., 1917. С. 7—8; Волькенштейн О.А. (Ольгович). Великая французская революция 1789 г. М., [1917]. С. 6, 19; Богданович Т.А. Великая французская революция. Л.; М., 1925. С. 5, 195.

²⁶ Подробно о статусе крестьян в предреволюционной Франции см.: Аго А.В. Крестьяне и Великая французская революция. М., 1987. Гл. 1. § 2.

²⁷ Подробно об этом событии см.: Carol P. Les Massacres de septembre. P., 1935; Bluche F. Septembre 1792. Logiques d'un massacre. P., 1986.

²⁸ Николин Н. (Андреев Ник.). Указ. соч. Ч. 2. С. 72.

²⁹ Эфруси Е. Указ. соч. С. 66—67.

"...В городских тюрьмах в то время сидело много аристократов и священников, против них обратилась месть парижского населения. 2-го сентября толпа ворвалась в тюрьмы и стала убивать *преступников*. Вначале убивали без всякого суда, но через несколько часов установили *народный суд*, который сперва рассматривал преступления обвиненных, выслушивал их защиту и только тогда постановлял приговор. Таким образом многие избежали смерти" (курсив мой. — А. Ч.)³⁰

Столь же "адресным", направленным сугубо против врагов Революции изображался и Террор 1793 — 1794 гг.:

"С бунтовщиками против республики, с аристократами поступали вообще со всей строгостью. Таковую политику называют террором, то есть устрашением. ...Если бы революция не карала своих врагов, она сама стала бы жертвою смерти".

Не то что при Термидоре:

"Теперь, при буржуазном правлении, гибли массаи люди невинные, искренне преданные революции, тогда как раньше гибли предатели и подозрительные, — во всяком случае, — враги народа"³¹.

И даже те авторы, кто, в отличие от процитированного выше анонимного социал-демократа, лично не симпатизировали Террору, оправдывали тот обстоятельствами военного времени:

"Жестокость и беспощадность республиканского правительства по отношению к внутренним врагам можно объяснить лишь тем напряженным состоянием, какое переживали в то время французы"³².

"Но несмотря на весь ужас террористических мер, огромное большинство народа стояло на стороне правительства, так как видел, что иначе нет никакой возможности сохранить единство и крепость республики"³³.

Еще одна печальная страница французской истории конца XVIII в. — гражданская война в Вандее, где республиканские войска, разгромив в ожесточенной борьбе восставших крестьян, устроили по приказу революционных властей массовую бойню мирного населения. В изображении же российского популяризатора истории Французской революции эти события выглядели исключительно как военные действия с равным проявлением жестокости обеими сторонами:

"Война велась со страшной жестокостью. Пленники, попавшие в руки вандейцев, подвергались немедленному расстрелу. То

³⁰ Великая французская революция. СПб., 1906. С. 34. Мне довелось держать в руках также следующие издания данной брошюры: Москва, 1917; Москва; Петроград, 1918; Гомель, 1919, но, полагаю, это далеко не полный список ее переизданий.

³¹ Там же. С. 39, 42.

³² Эфруси Е. Указ. соч. С. 97.

³³ Николин Н. (Андреев Ник.). Указ. соч. Ч. 2. С. 95.

же самое производилось и с пленными вандейцами. После многочисленных кровопролитных стычек и битв, о которых рассказывать мы не будем здесь, восстание в Вандее было подавлено. Это случилось в декабре 1793 года..."³⁴

Характерно, что автор завершил свой рассказ о Вандее именно декабрем 1793 г. Иначе ему пришлось бы вести речь о начавшемся в январе 1794 г., уже после разгрома вооруженных сил вандейцев, карательном походе республиканских "адских колонн" против мирного населения департамента³⁵, что, несомненно, омрачило бы тот светлый образ Революции, который создавался на протяжении всей книги. Любопытно, что в приведенном пассаже, в отличие от нелепого утверждения о "заранее составленных и проверенных" сентябрьских списках, нет ни грана вымысла. Если не считать небольшого преувеличения в том, что касается "немедленного" расстрела (на самом деле пленные нередко подвергались самым чудовищным пыткам), все остальное — чистая правда. Но только очень дозированная. Настолько, что история о геноциде революционными властями населения мятежного департамента предстает в изображении литератора обычным эпизодом военных действий, хоть и очень ожесточенных. Впрочем, в цитируемых сочинениях есть пример и более "виртуозной" подачи материала, когда автор, не прибегая к откровенной фальсификации и чередуя полуправду с недоговорками, ухитряется практически полностью "заретушировать" черное пятно вандейской трагедии на лице Революции:

"Положение восставших вандейцев было гораздо благоприятнее, нежели положение республиканской армии. Прекрасно зная местность, вандейцы быстро передвигались небольшими отрядами по узким, едва заметным тропинкам через леса, холмы и болота. Они внезапно нападали на врага, стреляя в него из-за кустов, из-за холма или плетня, и столь же неожиданно исчезали. Для республиканцев эти переходы по незнакомой местности, при отсутствии хороших дорог, были сопряжены с необычайными трудностями. Они шли большими колоннами, так как разбиваться на небольшие отряды значило бы идти на верную смерть. Неуверенно и медленно подвигались они вперед, поминутно оглядываясь во все стороны, как травленные звери. О том, чтобы передохнуть и набраться свежих сил, не могло быть и речи. Рассчитывать на гостеприимство вандейцев республиканцы, разумеется, не могли. В то время как восставшие вандейцы всюду могли найти приют и пищу, республиканцы вынуждены были повсюду тащить с собою провиант, чтобы не погибнуть от голода. Измученные телом и душой, они вымещали свою злобу на вандейцах, а те платили им той же монетой"³⁶.

³⁴ Там же. С. 98.

³⁵ Подробнее о нем см.: *Генифе П.* Политика революционного террора, 1789—1794. М., 2003. С. 228—240.

³⁶ *Эфруси Е.* Указ. соч. С. 89.

В принципе, спорить здесь не с чем. Автор более или менее точен в деталях. Но, произнеся столько слов, он "ухитряется" не сказать главного: трагедия Вандеи состояла ведь не в том, что "измученные" трудностями похода республиканские войска "вымещали злобу" на своем противнике, а в том, что они, следуя приказу революционных властей, осуществляли целенаправленное и систематическое истребление мирного населения уже после окончания активной фазы военных действий. Напротив, автор усиленно подчеркивает, что произошедшее в мятежном департаменте не вышло за пределы обычных "издержек" военного времени, поскольку, "несмотря на все эти суровые меры, междоусобная война все не прекращалась". Ну а в завершение и вовсе следует хеппи-энд:

"Лишь в 1795 г. был наконец заключен мир с вандейцами. Однако, судя по условиям мира, победа республиканцев была далеко не полная. Вандейцы, правда, согласились признать республиканское правительство. Зато они были вознаграждены за все понесенные убытки. Кроме того, их освободили от воинской повинности и возвратили им религиозную свободу"³⁷.

Автор, правда, не сказал, что мир этот не продержался и полгода, а "убытки" составляли до 25% населения Вандеи.

Впрочем, все эти бегло упоминаемые и тщательно преуменьшаемые "издержки" Революции "искупались", по мнению указанных авторов, ее славными итогами, которые восхвалялись в самых восторженных выражениях:

"Значение первой Революции огромно и не только для Франции, а для всего человечества. Заветы свободы, равенства и братства, как новая вера, понеслись по всей земле"³⁸.

"Народ проснулся от векового сна, выпрямил свою согбенную спину, расправил мускулы, и старое здание произвола и насилия затрещало по всем швам и рухнуло при радостных кликах ликующего народа"³⁹.

Распространенный среди российской образованной элиты культ Французской революции стал одним из немаловажных факторов, обусловивших восторженное отношение широких слоев интеллигенции к свержению монархии. По аналогии с хорошо известным ей романтическим образом "революции-праздника" интеллигенция ждала, что таким же праздником обернется революция и в России. Подобные настроения позднее блестяще опишет В.П. Катаев в повести, насыщенной автобиографическими мотивами: "В те легендарные дни у молодежи было принято как бы немного играть во Французскую революцию, обращаясь ко всем на ты и называя гражданин или гражданка, как будто новорожденный мир русской революции состоял из Сен-Жюстов, Дантонов,

³⁷ Там же. С. 90.

³⁸ Оленина М. Указ. соч. С. 79.

³⁹ Николин Н. (Андреев Ник.). Указ. соч. Ч. 1. С. 4.

Демуленов, Маратов и Робеспьеров"⁴⁰. Во Французскую революцию "играют" едва ли не все действующие лица произведения, примеряя на себя образы ее участников. И главный герой, юноша из интеллигентной семьи, тоже оказывается захвачен "романтической революцией", видя в революции российской манящий отблеск той, другой, с детства известной ему Французской: "...Конвент ...Пале-Рояль ...Зеленая ветка Демулена. Са ира!.. и внезапно захватившая его страсть к девушке из народа, в которой он видел Теруань де Мерикур, ведущую за собой толпу санкюлотов. Красный колпак и классический профиль"⁴¹. Тем страшнее, тем горше оказалось разочарование. Ожидаемый "праздник" обернулся трагедией. И не парижский Новый мост простерся перед юношей, а Сабанеевский мост в Одессе — дорога в расстрельный подвал ЧК.

Описывая это недоумение и страх, ощущение чудовищного обмана или, скорее, самообмана, В.П. Катаев ничуть не сгущает краски. Те же чувства мы находим и в публицистических произведениях того времени, принадлежавших ведущим представителям творческой элиты. «Мы поторопились назвать нашу революцию великой и сравнивали ее с великою французскою революцией, — писал Федор Сологуб в очерке "Крещение грязью" (1918). — Но вот видим, что величия в днях наших мало, и революция наша является только обезьяною великой французской революции... Та, подлинно великая, вся была воодушевлена любовью к Франции, к отечеству, и революционер чувствовал себя прежде всего патриотом. Ну а у нас, конечно, все наоборот... Огнем и кровью было то крещение, которое несла Европе восставшая против деспотизма Франция. Гнусный бес, овладевший нами, неистово хохочет и мажет нас грязью...»⁴²

Леонид Андреев был так поражен несоответствием российских событий 1917 г. столь долго ожидавшейся революции, что даже отказал им в праве считаться таковой, определив их как Бунт. "Плохому" Бунту он противопоставил "хорошую" Революцию, в определении которой явно прослеживаются знакомые черты идеального образа революции Французской: "Лозунги Революции всегда общечеловечны. Для нее, как и для Бога, ценен *всякий* человек. Как сама восставшая Справедливость, она охраняет права че-

⁴⁰ Катаев В.П. Уже написан Вертер. М., 1992. С. 374.

⁴¹ Там же. С. 338—339. Ср.: "Кто из нас тогда не писал с восторгом о зеленой ветке Демулена, в те дни, когда гимназист Каннегиссер стрелял в Урицкого, а Каплан отравленной пулей — в Ленина, и не санкюлоты в красных фригийских колпаках носили на пиках головы аристократов, а рабочие Путиловского завода в старых пиджаках и кепках, перепоясанные пулеметными лентами, становились на охрану Смольного". — Катаев В.П. Алмазный мой венец. М., 1979. С. 207—208.

⁴² "В дни создаваемого ада..." Из публицистики Ф. Сологуба 1918 г. // Русская мысль. 1996. № 4145. 17—23 октября. С. 11.

ловека... Свобода, равенство и братство. Вот незыблемый закон Революции..."⁴³ Не понимая, каким образом вместо "прекрасной" Революции получился чудовищный Бунт, Андреев, как и Сологуб, тоже винит во всем "дьявола, живущего в нас": это он "ослепил и запутал, смешал все карты, в дикум гулцу превратил все лозунги и в противоестественном союзе сочетал жертву — Революцию и ее убийцу — бессмысленный, стихийный, кровавый русский Бунт"⁴⁴.

Революция 1917 г. разрушила "русский миф" о Французской революции. Мысль о том, что "доброй" революции никогда не было и во Франции, находит отражение в эмигрантской литературе разных жанров⁴⁵. Вот как, например, она прозвучала в стихах Ивана Савина:

Все это было. Путь один
У черни нынешней и прежней,
Лишь тени наших гильотин
Длинней унаи и мятежней.

Бросает поэт упрек и создателям мифа о Французской революции словами, вынесенными в эпиграф настоящей главы⁴⁶.

Однако сказать об этом можно было, только находясь за границей. В России же на смену прежнему, "русскому мифу", охранявшемуся силой мнения "передовой" интеллигенции, пришел новый, "советский миф" о Французской революции, на страже которого стояла теперь уже вся мощь государственной идеологии и репрессивного аппарата.

⁴³ Андреев Л.Н. Европа в опасности // Андреев Л.Н. Перед задачами времени. Benson, 1987. С. 201.

⁴⁴ Там же. С. 201.

⁴⁵ См., например: Струве П. Размышления о русской революции. София, 1921; Гольденвейзер А.А. Якобинцы и большевики. Берлин, 1922.

⁴⁶ Савин И. Ладонка [1925] // Русская мысль. 1996. № 4147. 31 октября — 6 ноября.